

—Это и величайшее горе,—причиняюше разлукою съ любимыми людьми, отвлечениемъ отъ привычныхъ и любимыхъ занятій,—обратило-бы въ величайшую радость, при чёмъ Николай Николаевичъ постарался-бы, конечно, уговорить васъ отказаться отъ вашего намѣренія... А вы вмѣсто того, чтобы раздѣлить ссылку съ Гусевымъ, напечатали ваше сообщеніе. Если это не усугубить тяжести положенія Гусева, то во всякомъ случаѣ не облегчить его. Для чего же вы это сдѣлали? Для того, чтобы возбудить ненависть къ тѣмъ, кого вы считаете виновниками ссылки Гусева;—себя виновникомъ этого вы, конечно, не сочтете?! И неужели вы сами не чувствуете, какъ фальшиво звучать ваши слова, начиная со словъ—„нельзя не жалѣть и тѣхъ несчастныхъ, которые совершаютъ такія дѣла, а главное предписываютъ ихъ“ и до конца вашего сообщенія*). Неужели вы серьезно думаете, что прочитавъ ваше воззваніе,—подумайте о себѣ, о своей жизни, о томъ, на что вы тратите даннаго вамъ Богомъ духовныя силы. Загляните себѣ въ душу, пожалѣйте себя“,—и министръ внутреннихъ дѣлъ перестанетъ дѣлать то, къ чему онъ призванъ, т. е. охранять миръ въ обширной имперіи, предотвращать всякую въ ней смуту, и исправникъ перестанетъ исполнять приказанія министра? А разве не смуту вносить вашъ призывъ не платить податей, не исполнять никакихъ повинностей, необходимыхъ для общаго блага, и въ особенности повинности воинской, которая ограждаетъ нашъ миръ, наше мирное существованіе!? Хотя вы и говорите, будто ваши произведенія не революціонны, но это не правда, вы сами не можете не сознавать ихъ революціонность, и революціонеры, несмотря на то, что во многомъ съ вами не согласны, пользуются каждымъ вашимъ словомъ, потому что своею проповѣдью вы дѣйствуете въ ихъ руку, раздуваютъ смуту, что имъ и нужно. Вотъ и ваше сообщеніе о высылкѣ Гусева помѣщено въ газетѣ революціонной, въ *Русскихъ (?) Вѣдомостяхъ*. Если-же васъ самихъ никуда не сажаютъ, никуда не ссылаютъ, то не изъ боязни заграницы, какъ вы напрасно думаете, а изъуваженія къ вашему прошлому, изъуваженія къ вамъ, какъ великому художнику, къ вашему возрасту и, наконецъ, изъ опасенія еще большей смуты и криковъ, которые несомнѣнно поднимутся, если-бы наложили на васъ руку, и поднимутся именно тѣми, которые больше всего и обрадовались-бы этому обстоятельству, какъ предлогу причинить нашему отечеству наибольшій вредъ. Поэтому и стараются обезвредить васъ, не трогая васъ самихъ, а

„Какко всѣхъ тѣхъ погибшихъ и погибающихъ и озлобляемыхъ людей въ ссылкахъ, въ тюрьмахъ, со злобой и ненавистью умирающихъ на висѣлицахъ, но нельзя не жалѣть и тѣхъ несчастныхъ, которые совершаютъ такія дѣла, а главное—предписываютъ ихъ. Вѣль сколько бы не увѣряли себя эти люди, что они дѣлаютъ это для блага общаго, сколько бы ни одобряли и ни восхваляли ихъ за эти дѣла такіе же, какъ они, люди (Вы, Л. И., и всѣ, раздѣляющіе ваши мнѣнія, спѣланы, конечно, изъ другой глины, чѣмъ тѣ, о которыхъ вы элѣсъ говорите), какъ-бы ни старались они сами задурманить себя всякими заботами и увеселеніями, они—люди и больщею частью добрые люди и чувствуютъ и знаютъ въ глубинѣ луши, что они поступаютъ лурно, что дѣлая такія дѣла, губятъ то, что дороже всего на свѣтѣ,—свои луши,—захлопываютъ на себя дверь отъ всѣхъ истинныхъ и лучшихъ радостей жизни. И вотъ этимъ то людямъ мнѣ по случаю этого пичтожнаго магіи Гусева и для меня события хотѣлось-сказать: подумайте о себѣ, и своей жизни, о томъ, на что вы тратите даннаго вамъ Богомъ духовныя силы. Загляните себѣ въ душу, пожалѣйте себя“ (Русск. Вѣд. 1909 г. 11 августа № 183, „Заявление объ арестѣ Гусева“ Л. Н. Толстого).